

БАЗОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ НА ПУТЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Специальность: Экономика и управление народным хозяйством

Направление: Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами (АПК и сельское хозяйство)

Автор: Ю.А. ЛЕМЕТТИ, старший преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга в АПК, соискатель кафедры организации предпринимательской деятельности в АПК Тверской государственной сельскохозяйственной академии

В статье изложены основные результаты комплексного анализа базовых проблем перехода российского сельского хозяйства на путь устойчивого развития. Представлены итоговые результаты исследования дифференциации регионов ЦФО по потенциалу устойчивого развития сельского хозяйства.

The basic results of the complex analysis of base problems of transition of the Russian agriculture on a sustainable development way are stated. Total results of research of differentiation of regions SFO on potential of a sustainable development of agriculture are presented.

Ключевые слова: сельское хозяйство, устойчивое развитие, технологические уклады, дифференциация.

Keywords: agriculture, sustainable development, technological ways, differentiation.

Современное состояние сельского хозяйства России во многом определяется совокупностью неоднозначных событий прошлого, большинство из которых вошло в историю развития как страны в целом, так и аграрного сектора экономики в частности, в статусе социально-политического или экономического катаклизма (табл. 1).

На протяжении 20-го века в России не было ни одного десятилетия, в котором не происходили бы крупные политические или экономические события, имеющие долговременные негативные последствия для благополучия рядовой российской семьи, в связи с чем, основной задачей большей части населения было выживание, а не развитие. В двадцатом столетии ни одно поколение российской семьи не было свободно от угрозы потери члена семьи в военных действиях, ни одно поколение не выросло, не испытав продовольственной проблемы – если не массовый голод и военная разруха, то карточная система или дефицит, ни одно поколение не может сказать, что знает революцию только по учебникам.

Общая социально-экономическая нестабильность развития страны особенно сильно отразилась на советско-российском крестьянстве и сельском

хозяйстве, ключевая роль которых в достижении национальной безопасности страны, до недавнего времени, существенно снижалась.

Таблица 1 – Хронология основных социально-политических и экономических катаклизмов в истории России XX века*

Период истории развития России	Социально-политические и экономические катаклизмы
1900-1910 гг.	Военные действия русских войск в Манчжурии, Иране; русско-японская война; крестьянские бунты, рабочие забастовки; первая русская революция.
1911-1920 гг.	Первая мировая война; февральская революция; октябрьская социалистическая революция, карточная система распределения продовольствия; гражданская война; разруха и голод; введение продразверстки и продналога; начало создания концентрационных лагерей для «классовых врагов».
1921-1930 гг.	Послевоенная разруха и голод; массовые эпидемии, засуха и неурожай на большой территории; массовый голод в 1921-1922 гг.; начало коллективизации, разрушение общественной структуры и традиционного уклада в деревне; карточная система распределения продовольствия; начало индустриализации; начало жилищного кризиса; принудительные государственные займы у населения.
1931-1940 гг.	Карточная система распределения продовольствия, массовый голод в 1933 г.; массовые репрессии; коллективизация; индустриализация, начало юридической дискриминации крестьян (до 1965 г.); введение трудового законодательства с репрессивными мерами; военный конфликт с Японией; финская война.
1941-1950 гг.	Вторая мировая война, послевоенная разруха, карточная система; принудительные государственные займы у населения; массовая депортация народов; массовый голод в 1947 г.; денежная реформа; увеличение длительности рабочей недели (до 1956 г.); идеологическое и политическое ужесточение, разрастание репрессивных органов и концентрационных лагерей; создание лагерей специального режима.
1951-1960 гг.	Действие закона прикреплявшего трудящихся к предприятиям (с 1940 по 1956 гг.); послевоенная массовая алкоголизация населения; кампании по укрупнению колхозов, против приусадебных подсобных хозяйств; принудительные государственные займы; послевоенные демографические перекосы в структуре населения; крупные экологические катастрофы.
1961-1970 гг.	«Кукурузный эксперимент»; денежная реформа; ограничение размеров приусадебных участков, повышение цен на продукты питания.
1971-1980 гг.	Реализация на государственном уровне идеи «бесперспективных деревень» – насильственное разрушение естественной системы расселения; введение войск в Афганистан; «тихая экологическая катастрофа».
1981-1990 гг.	Военные действия в Афганистане, начало «перестройки»; Чернобыльская катастрофа; карточная и талонная системы распределения.
1991-2000 гг.	Революция 90-х годов; «хаос государственно-правовой анархии и экономической разрухи»; первая чеченская война; вторая чеченская война; массовые нарушения экономических и социальных прав человека; стремительное падение объемов производства сельскохозяйственной продукции.

* – систематизировано автором

Сельское хозяйство вкупе с сельским социумом, по сути, являясь донорами индустриализации, длительный период времени находились на периферии государственного и общественного внимания, что, в результате, привело к необратимым последствиям, разрушительный характер которых выступает, в настоящем, существенным барьером на пути перехода аграрного сектора экономики на путь устойчивого развития.

Ретроспектива темпов развития сельского хозяйства, дополненная социогенетическим анализом, позволили выделить ряд базовых проблем

функционирования аграрной сферы советской и российской экономики, которые во многом определяют как современное состояние села и сельскохозяйственного производства, так и его векторную направленность развития в будущем.

Технологическое «запаздывание» советского и технологическая деградация российского (современного) сельского хозяйства являются наиболее проблемными аспектами развития (рис. 1).

Парадоксальность ситуации заключается в том, что основные составляющие третьего технологического уклада были достаточно активно развиты в теории советско-российского аграрного производства, однако по причинам «политической недальновзоркости и невежества» и сверхнизкого уровня образованности российского крестьянства не нашли должного отражения в практике ведения сельского хозяйства.

Аграрная наука начала 20-го века представлена плеядой выдающихся русско-советских ученых, чьи труды во многом не теряют своей актуальности спустя столетие: В.П. Горячкин (автор классических трудов в области агротехнических наук), Н.И. Вавилов (основоположник русской генетики растений, сформулировавший принципы деятельности главного научного центра страны по аграрным наукам), известный селекционер И.В. Мичурин, А.В. Чаянов – всемирно признанный основатель междисциплинарного крестьяноведения и кооперативного движения.

Если крестьянскую безграмотность еще можно оправдать, то, не просто отсутствие государственного внимания к столь внушительному научному потенциалу развития сельского хозяйства, а откровенное пренебрежение научными результатами наших великих соотечественников со стороны власть имущих (цитата И.Сталина (1929 г.): «Непонятно только почему антинаучные теории советских экономистов типа Чаянова должны иметь свободное хождение в нашей печати» [1, с. 73]) – есть подлинная диверсия против благосостояния народа.

Четвертый технологический уклад ознаменовался активным переходом мирового сельского хозяйства на путь интенсификации, что нашло отражение в стремительном увеличении объемов производства продовольствия, составившем в общемировом масштабе 3,2 раза (с 765 в 1950 г. до 2475 млрд. долл. США в 2000 г.). Максимальные темпы роста за исследуемый период зафиксированы в Китае (в 6,5 раз), Индии (в 3,2 раза), Японии (в 2,9 раза) и Западной Европе (в 2,8 раза). Абсолютный прирост объемов сельскохозяйственного продовольствия в СССР за тот же период составил только 33% (с 75 в 1950 г. до 100 млрд. долл. США в 2000 г.). При этом темпы «запаздывания» советского сельского хозяйства от лидера мирового агропродовольственного рынка – США условно составили порядка 30 лет: по объемам производства сельскохозяйственной продукции СССР в 1980 г. (98 млрд. долл. США) сравним с США, но в 1950 г. (93, 5 млрд. долл. США).

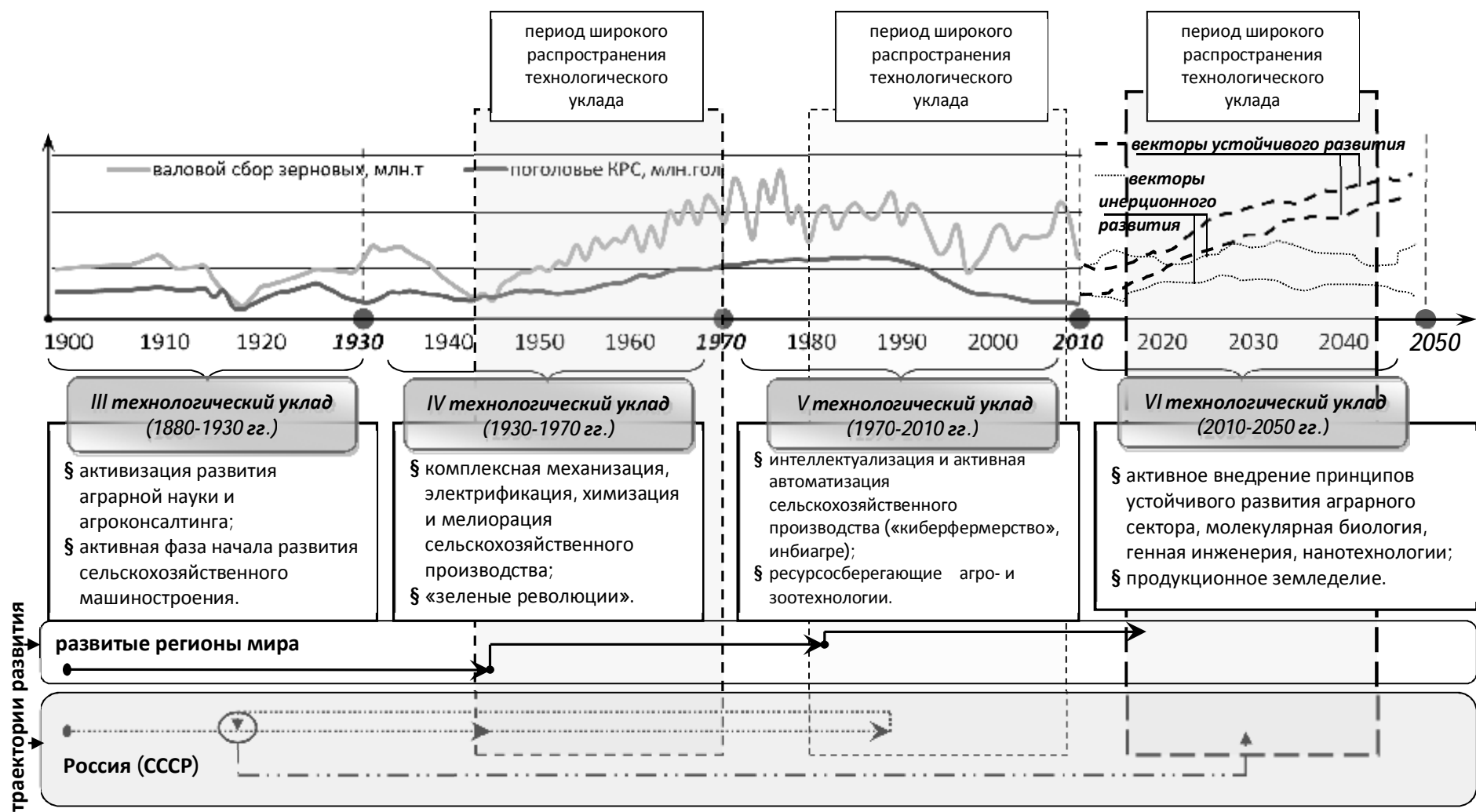

Рисунок 1 – Основные аспекты развития сельского хозяйства в рамках технологических укладов (составлено автором, использована периодизация технологических укладов академика С.Ю. Глазьева [2])

«Провал» пятого технологического уклада привел российское сельское хозяйство к нарушению логики развития аграрного сектора экономики: пройдя, относительно успешно, четвертый технологический уклад сельское хозяйство России не перешло вместе с развитыми странами мира на ступень пятого уклада, а вернулось к третьему и частично к реликтовым укладам. В этом, собственно и содержится основная проблема перехода на шестой технологический уклад, базирующийся на принципах устойчивого развития: история России в который раз должна пройти «свой особенный путь» (рис. 2).

Совокупность социально-экономических проблем, имеющих место практически во всех регионах РФ, наряду с технологической деградацией, также является наиболее серьезным барьером на пути перехода российского сельского хозяйства на путь устойчивого развития. Российское село практически разрушено: уровень и качество жизни находятся на недопустимо низкой отметке, депопуляционные процессы на грани перехода в зону геноцида российского крестьянства.

Сравнительный анализ ряда показателей уровня жизни сельского и городского населения России свидетельствует о ярко выраженной социальной дискриминации села. Средний уровень располагаемых ресурсов у жителей сельской России ниже соответствующего показателя у горожан в среднем на 40%, объем денежных расходов сельского населения составляет немногим больше 50% от объема денежных расходов городского населения.

Сельские жители существенно менее притязательны в определении границ желаемого материального достатка: «разрыв» в необходимых уровнях доходов для того, чтобы жить «очень хорошо», «хорошо» и «удовлетворительно» между сельскими и городскими домохозяйствами составляет 1,6 раз. Уровень оплаты труда работников, занятых в сельском хозяйстве, с 1993 г. по настоящее время стабильно находится на самом низком уровне. Максимальный разрыв наблюдается с оплатой труда работников, занятых в отраслях «добыча полезных ископаемых» (4,1 р. в 1995 г. и 3,7 р. в 2009 г.) и «финансовая деятельность» (2,9 р. в 1995 г. и 4,4 р. в 2009 г.). Минимальный разрыв – с занятыми в отраслях здравоохранения (1,3 р. в 1995 г. и 1,5 р. в 2009 г.) и образования (1,2 р. в 1995 г. и 1,4 р. в 2009 г.).

Аналогов подобной профессиональной дифференциации по уровню оплаты труда нет ни в одной развитой стране мира. Например, недельный доход фермера США превышает заработок работающего в розничной торговле на 40,5%, в общественном питании – на 58%, в банковской сфере – на 35,6%. Исключением является соотношение уровня заработной платы фермера с представителями наиболее высокооплачиваемых в США профессий – юристов, преподавателей, врачей: их недельный доход превышает соответствующий доход фермера в 2-2,7 раза [3, с. 246–247].

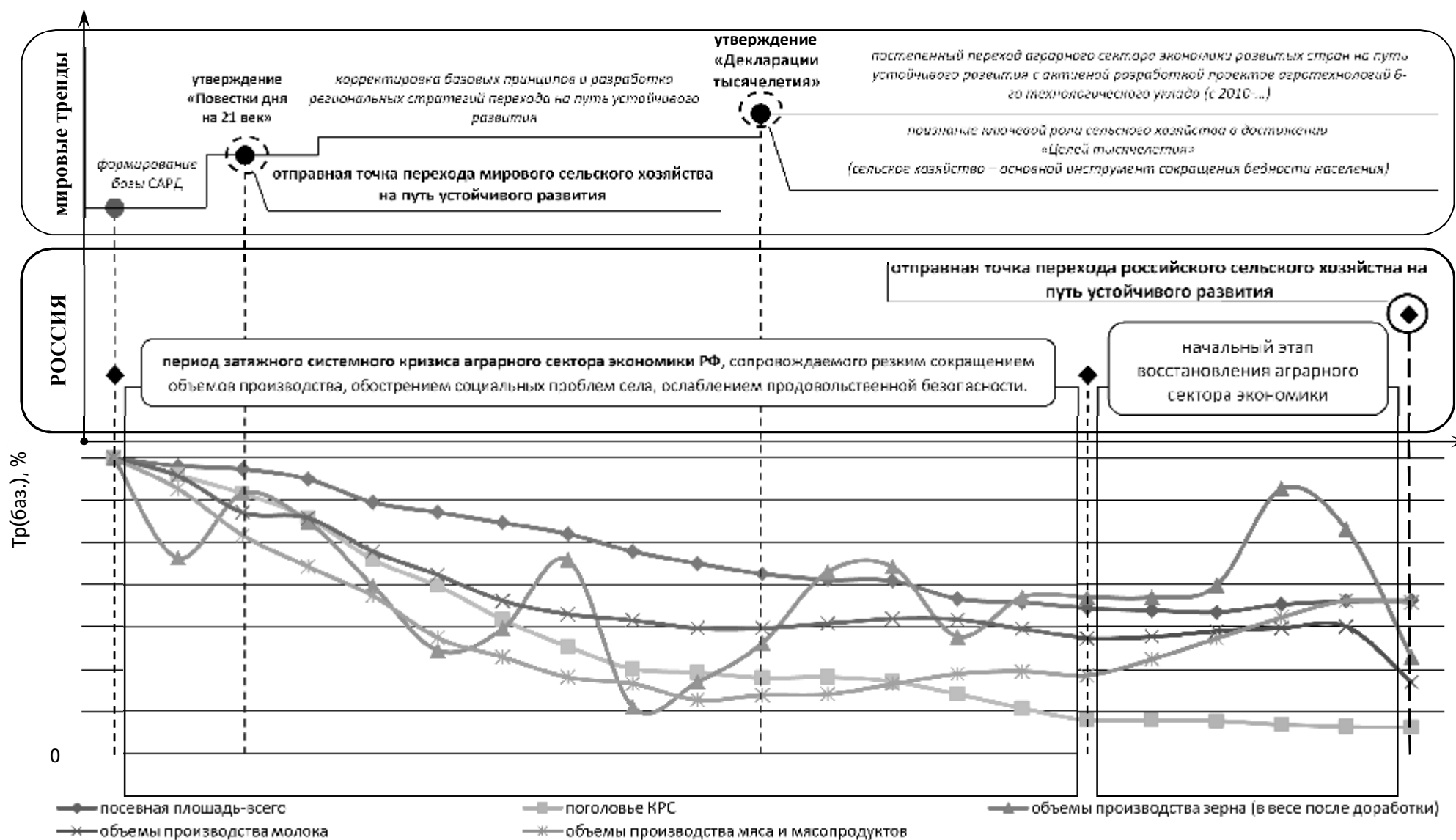

Рисунок 2 – Схематичное отображение периода времени, разделяющего переход мирового и российского сельского хозяйства на путь устойчивого развития

Анализ динамики соотношения уровня оплаты труда работников сельского хозяйства с величиной прожиточного минимума показал, что до 2002 г. сельский труженик мог на свою зарплату с трудом обеспечить минимальный уровень удовлетворения в основном первичных потребностей – по сути, находился на грани перехода в «зону» крайней бедности (особенно в 1999 г. и 2000 г.). С 2002 г. ситуация несколько улучшается, однако даже уровень доходов, превышающий прожиточный минимум в два раза (с 2008 г.), меньше уровня доходов, необходимого для того, чтобы жить «удовлетворительно» на 19,4% (10,8 тыс. руб. реально получаемых против 13,4 тыс. руб. необходимых).

Жители села значительно больше подвержены риску бедности, чем горожане, причем, чем меньше численность сельского населенного пункта, тем выше значение индекса риска бедности (рис. 3).

Комментарий к рисунку: значение индекса выше 1 показывает во сколько раз риск бедности для населения, проживающего в определенном населенном пункте превышает риск бедности для населения в целом; значение индекса менее 1 свидетельствует о более низком риске бедности, чем риск бедности для населения в целом.

Рисунок 3 – Индекс риска бедности по группам городских и сельских населенных пунктов с различной численностью [4]

Низкий уровень доходов является основным лимитирующим фактором удовлетворения материальных и духовных потребностей человека. Наибольший удельный вес в структуре расходов сельского населения стабильно занимает покупка продуктов питания, что с учетом высокого уровня натуральных доходов в общем объеме располагаемых ресурсов, свидетельствует о крайне низком истинном уровне жизни российского крестьянства. Увеличение удельного веса расходов селян на продовольствие, прослеживающееся с 2007 г. (с 34,7% в 2007 г. до 38% в 2009 г.) позволяет констатировать тенденцию ухудшения социально-экономического положения сельского населения.

С учетом стремительного роста продовольственной инфляции, вступившего в активную стадию с 2010 г., можно предположить дальнейшее погружение российского крестьянства в состояние близкое к экстремальной бедности, что, безусловно, заметно снизит способность сельских тружеников к высокопроизводительному труду и, как результат, крайне негативно скажется на конечных показателях экономической эффективности сельскохозяйственного производства.

Селяне в среднем на 30% больше, чем жители города потребляют хлеб и хлебные продукты и картофель. При этом по потреблению рыбы и рыбопродуктов, а также фруктов и овощей сельские жители «отстают» от горожан на 20–25%. Подобная структура питания еще раз доказывает, что уровень жизни сельского населения не сравним с уровнем жизни городского населения России, поскольку преобладание в рационе продуктов, богатых углеводами, а значит имеющими высокую степень насыщаемости, но при этом явная несбалансированность питания из-за нехватки жиров и белков – типична для бедного населения.

Социально-экономическая нестабильность побуждает многих молодых селян, стремящихся к улучшению условий жизнедеятельности к поиску возможностей миграции в город или в близлежащие крупные сельские населенные пункты. Результатом такой поведенческой линии является стремительное ускорение разрушительного для сельского хозяйства процесса «обезлюдивания» российского села.

Численность сельского населения – основы трудового потенциала сельскохозяйственного производства, стремительно сокращается на протяжении последних 60-ти лет (с 1950 г.) и, согласно прогнозу Росстата, эта тенденция продолжится: к 2030 г. численность селян составит 37,04 млн. чел. (на 3,06% по сравнению с 2010 г.), то есть, в ближайшие два десятилетия сельская Россия «потеряет» более 1 млн. человек (рис. 4).

Основными причинами депопуляции аграрной России, во многом имеющими социальную природу, то есть вызванные изменениями в обществе, являются тесно взаимосвязанные между собой процессы: естественная убыль; отток из села людей в максимально эффективном репродуктивном возрасте; усиливающееся распространение среди населения саморазрушительной линии поведения.

Процессы естественной убыли населения впервые в России (за мирное время) зафиксированы в 1992 г., с 2000 г. по настоящее время темпы естественной убыли сельского населения заметно превышают темпы убыли городского населения.

Анализ динамики коэффициентов суммарной рождаемости (рис. 5) позволяет констатировать, что русская деревня, веками выступающая в статусе демографического капитала страны, обеспечивая трудовыми ресурсами многие отрасли народного хозяйства, с 1992 г. утратила возможность даже простого воспроизводства.

Рисунок 4 – Динамика и прогноз численности сельского населения РФ [5]

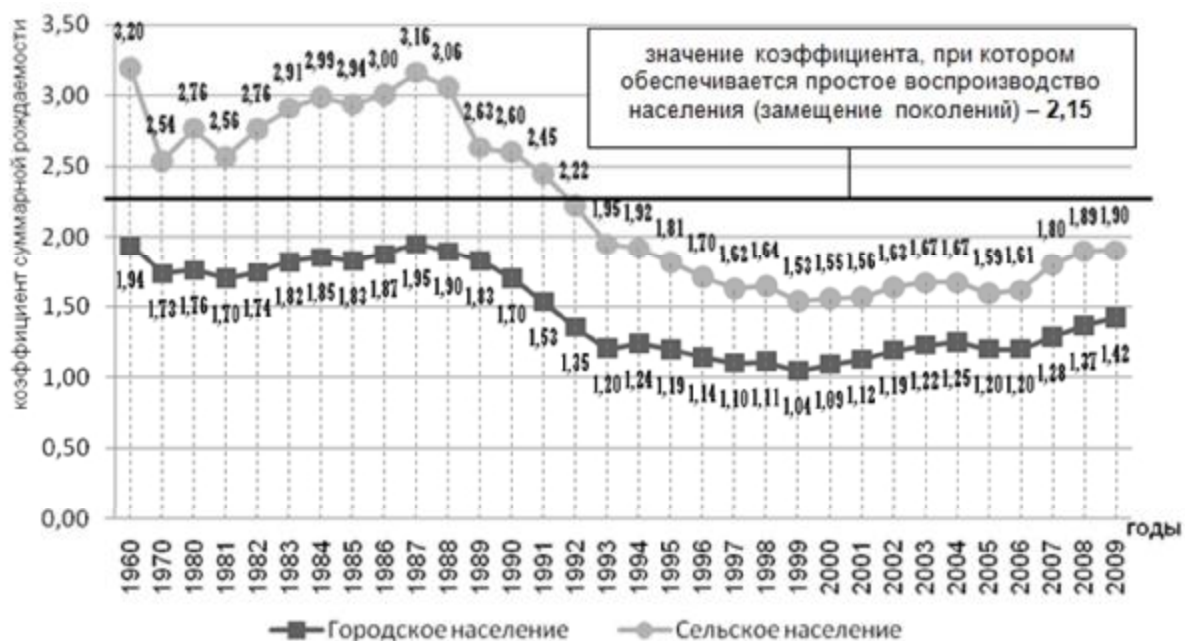

Рисунок 5 – Динамика коэффициентов суммарной рождаемости городского и сельского населения России [5]

Тенденция увеличения числа рождений, наблюдаемая с 2006 г., во многом обуславливается тем, что в 2006–2007 гг. Россия вошла в пик численности женщин репродуктивного возраста и существенно увеличилась реализация отложенных (в период 90-х годов 20-го века) рождений. При этом нетто-коэффициент (чистый коэффициент) воспроизводства, характеризующий степень замещения поколениями женщин их дочерями при

сохранении существующих уровней рождаемости и смертности остается на крайне низком уровне: в 2009 г. – 0,64. Максимальное значение нетто-коэффициента воспроизводства в России наблюдалось в течение периода с 1955–1959 гг. (1,26), минимальное соответственно – в 1999 г. (0,54).

Анализ динамики рождаемости населения в разрезе федеральных округов РФ показал, что минимальный уровень рождаемости во всех федеральных округах был зафиксирован в течение последнего десятилетия 20-го века, максимальный соответственно – в 80-х годах 20-го века. В 2010 г. самый низкий уровень рождаемости (10,8‰) наблюдался в ЦФО, самый высокий соответственно – в СФО (18,6‰).

Вторым слагаемым естественной убыли населения является смертность, уровень которой особенно высок среди сельского населения страны. Стремительный рост смертности, начавшийся с 90-х годов 20-го века, обуславливается экономическими реформами, ставшими очередным общественным потрясением. К основным причинам повышенной смертности российского населения относятся: длительное массовое накопление неблагоприятных изменений в общественном здоровье населения, сочетающееся с воздействием хронически высокого уровня стресса; снижение качества жизни в условиях неудовлетворительного состояния социальной сферы и базовой медицины; труднодоступность высокоэффективных средств лечения для подавляющей части, особенно сельского населения; криминализация общества; рост преступности; алкоголизация и распространение наркозависимости.

Наиболее остро проблема сверхсмертности проявляется среди сельских мужчин трудоспособного возраста, которые в среднем умирают в 4 раза больше по сравнению с женщинами в соответствующей возрастной категории. Результатами подобного положения вещей является дисбаланс в половозрастной структуре населения, приводящий в итоге к широкому распространению внебрачных рождений, преждевременной потере «кормильца» семьи и, как результат к увеличению перспектив попадания женщин-одиночек в зону бедности.

Одной из главных причин чрезмерно высокого уровня смертности среди трудоспособного сельского населения является распространение алкогольной зависимости и удовлетворение потребности в алкоголе за счет употребления напитков крайне низкого, а порой сомнительного качества. Алкоголизация села приводит к увеличению числа смертей от неестественных причин. Динамика смертей сельского населения от случайных отравлений алкоголем, убийств и самоубийств представлена на рисунке 6. Особенно настораживает чрезвычайно высокий уровень суицидальной активности сельского населения, являющийся наиболее ярким показателем социального нездоровья.

По оценке ВОЗ уровень самоубийств выше 20 считается высоким, в соответствие с этим специалисты этой организации квалифицировали нашу страну как находящуюся в состоянии вялотекущей чрезвычайной ситуации. Расширяя эту классификацию (до 10 – низкий, 11–20 – средний, 21–30 –

высокий, 3–40 – очень высокий, свыше 40 – катастрофический) считаем обоснованным констатировать, что текущий уровень самоубийств сельского населения требует обязательного государственного контроля и разработки ряда мер превентивного характера, способствующих сдерживанию и сокращению этого социально опасного явления.

Рисунок 6 – Динамика умерших сельских жителей от основных видов неестественных причин [5]

Интегральным показателем демографического благополучия населения страны является ожидаемая продолжительность жизни. Наличие широкого спектра демографических проблем выразилось в резком сокращении этого показателя, особенно в отношении сельских мужчин, ожидаемая продолжительность жизни которых традиционно находилась на минимальной отметке по сравнению сельскими женщинами и горожанами обоих полов. Особенно резко ожидаемая продолжительность жизни населения России сокращалась в течение периода 1990-2000 гг.: среднегодовой темп сокращения составил у мужчин, проживающих в городе – 99,3%, у горожанок – 99,7%, у сельских мужчин – 99,4%, у сельчанок – 99,7%. Первое десятилетие, особенно период с 2005 г. по 2009 г. ознаменовалось повышением ожидаемой продолжительности жизни, однако гендерная разница в продолжительности жизни остается достаточно высокой: в городских населенных пунктах она составляет 14,26 лет, в сельских соответственно – 12,51.

Женщины во всем мире, благодаря генетическим свойствам, особенностям образа жизни, адаптационным возможностям живут дольше, чем мужчины. Однако если разница между продолжительностью жизни сельских и городских мужчин не очень значительна, то разница между ожидаемой продолжительностью жизни городских и сельских женщин увеличивается: с 0,39 лет в 1990 г. до 1,75 лет в 2009 г., что также косвенно свидетельствует об общей нестабильности условий жизни на селе.

Социальная деградация сельской жизни выражается в заметном снижении качества человеческого потенциала, особенно опасное проявление которого прослеживается на генетическом уровне. В российском селе неуклонно увеличивается численность умственно отсталого населения (рис. 7).

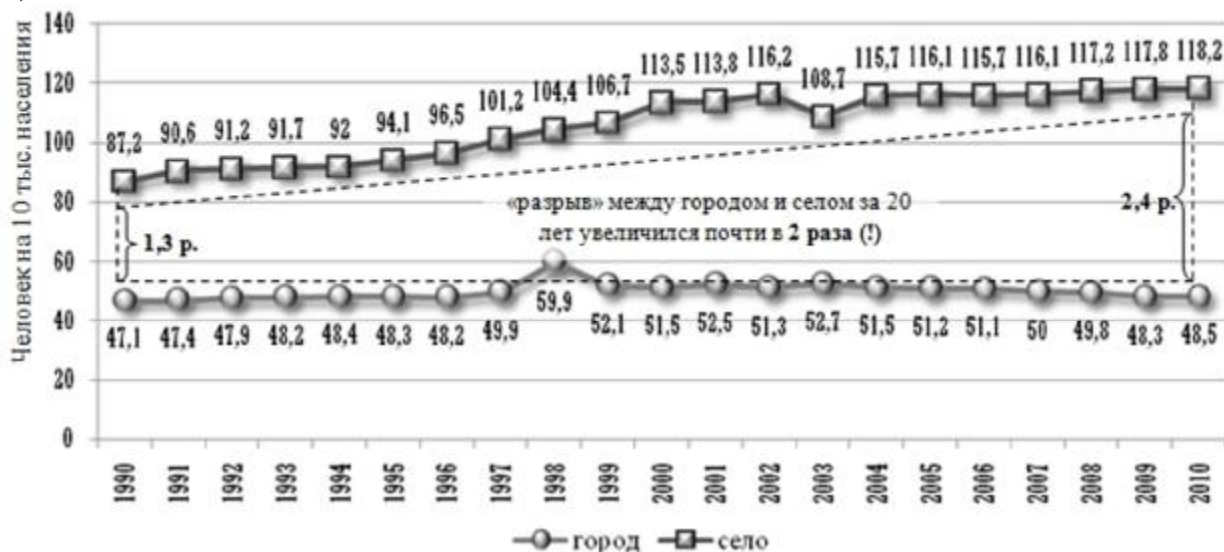

Рисунок 7 – Динамика численности олигофренов в России [6]

Отметим, что специфика городского образа жизни выражается в наличии большего числа жизненных ситуаций, провоцирующих стрессовую реакцию организма и, как результат, приводящих к различного рода психическим заболеваниям. В связи с чем увеличение «разрыва» между селом и городом по численности олигофренов за период с 1990 по 2010 гг. в два раза сигнализирует о крайне опасной ситуации генетического разрушения человеческого потенциала села.

Заметный «вклад» в снижение качества человеческого потенциала села вносит низкий уровень сельского школьного образования, являющийся результатом существенного кадрового дефицита, часто приводящего к вынужденному совмещению учителями преподавания различных предметов, что, безусловно, сказывается на уровне подготовки к занятиям и проявляется в сравнительном анализе результатов российских учащихся в зависимости от места проживания (рис. 8).

Подобный уровень подготовки неприемлем для построения инновационной экономики – экономики знаний. Необходима срочная структурная трансформация системы обеспечения селян достойными условиями жизнедеятельности, начиная от момента рождения. Только при достижении этого обязательного условия российское село и аграрный сектор экономики страны может перейти к функционированию сельскохозяйственного производства, основанного на принципах устойчивого развития. В настоящее время фундамент этих принципов, особенно в социальном аспекте находится в состоянии, близком к полному разрушению.

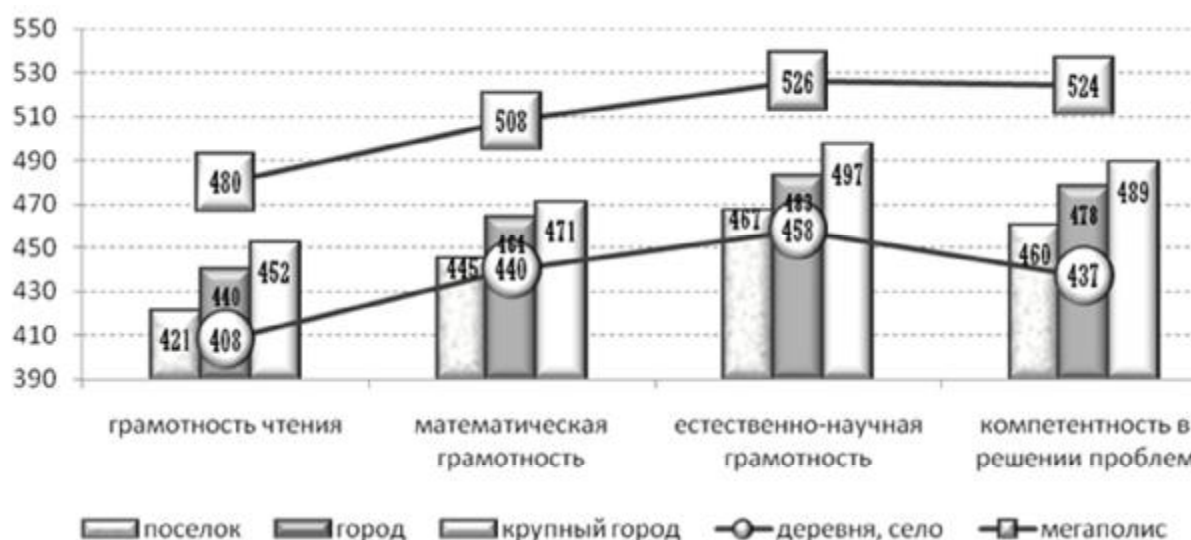

Рисунок 8 – Результаты российских учащихся в зависимости от места проживания, 2009 г. (балл по международной шкале) [7]

Решение рассмотренных проблем осложняется исторически сложившимся многообразием демографических, экономических, природно-климатических, социальных и этнокультурных условий развития регионов России, что блокирует возможность разработки универсальной стратегии устойчивого развития и требует ее адаптации на локальном уровне.

Отправной точкой определения наиболее верного направления развития аграрного сектора экономики и сельского социума того или иного региона является четкое обоснование стратегии перехода к устойчивому развитию, которая может быть определена на основе интегральной оценки потенциала такового, то есть совокупности определяющих факторов, способствующих выстроить максимально адаптированную к реальным условиям хозяйствования систему коэволюционного развития аграрного производства и аграрного социума, основанную на цивилизационно-инновационном принципе функционирования.

Для расчета интегральных показателей (с целью последующего множественного сопоставления) автором использован индексный метод объединения разномерных показателей, предполагающий два этапа:

§ первый этап – построение шкалы диапазонов фактических значений (по каждому показателю) с последующим присвоением выделенному диапазону соответствующего балла (от 1 до 10), причем, если показатель имеет ярко выраженное негативное значение (например, все показатели, характеризующие саморазрушительную линию поведения селян) ему присваивается отрицательный балл;

§ на втором этапе балльные оценки показателей по каждому блоку (региону, району) суммируются; при использовании метода для выявления степени межрегиональной или межрайонной дифференциации сумма представляет итоговый результат, который сопоставляется между интересующими исследователя объектами; при расчете сводного показателя устойчивого развития, аккумулирующего значения экономического,

экологического и социального блоков, процесс интегрирования показателей продолжается (с обязательным взвешиванием) до сведения их к единому значению.

Формализация расчета показателей для выявления степени дифференциации регионов (районов) выглядит следующим образом:

$$J_{ur_i} = \sum_1^n P_{b_1} + P_{b_2} + \dots + P_{b_n}, \quad (1)$$

где J_{ur_i} – индекс i -той группы показателей; P_{b_n} – балльная оценка n -го показателя; n – количество показателей в группе;

$$Dif_k = \frac{J_{ur_{max}}}{J_{ur_{min}}}, \quad (2)$$

где Dif_k – коэффициент дифференциации.

Для расчета *интегрального показателя устойчивого развития* сельскохозяйственного производства предложена формула:

$$I_{ur} = \frac{J_{ur_{э\text{н}}} \cdot R_{э\text{н}} + J_{ur_{э\text{л}}} \cdot R_{э\text{л}} + J_{ur_{э\text{соц}}} \cdot R_{э\text{соц}}}{3}, \quad (3)$$

где I_{ur} – интегральный показатель устойчивого развития сельскохозяйственного производства; $J_{ur_{э\text{н}}}$, $J_{ur_{э\text{л}}}$, $J_{ur_{э\text{соц}}}$ – интегральные индексы соответственно экономического, экологического и социального блока показателей; $R_{э\text{н}}$, $R_{э\text{л}}$, $R_{э\text{соц}}$ – веса значимости соответствующих блоков оценки устойчивого развития.

При апробации методики нами использован динамический ряд совокупности показателей за период с 1990 по 2009 г., исключены результаты сельскохозяйственной деятельности регионов, достигнутые в 2010 г. по причине их объективной не типичности обусловленной известной климатической аномалией.

Результаты второго (заключительного) этапа анализа степени дифференциации регионов ЦФО по потенциалу устойчивого развития сельского хозяйства, отражены на рисунке 9.

Выполненные исследования показали, что максимален потенциал устойчивого развития сельского хозяйства в Белгородской, Воронежской, Липецкой, Орловской и Московской областях ЦФО, что определяет их стратегически ведущую роль в обеспечении продовольственной безопасности округа как минимум в ближайшие 10–15 лет и, в связи с этим, накладывает на исполнительные органы власти, ответственные за развитие аграрного сектора экономики, дополнительную социальную ответственность за оперативность и адекватность разработки региональных стратегий устойчивого развития сельского хозяйства.

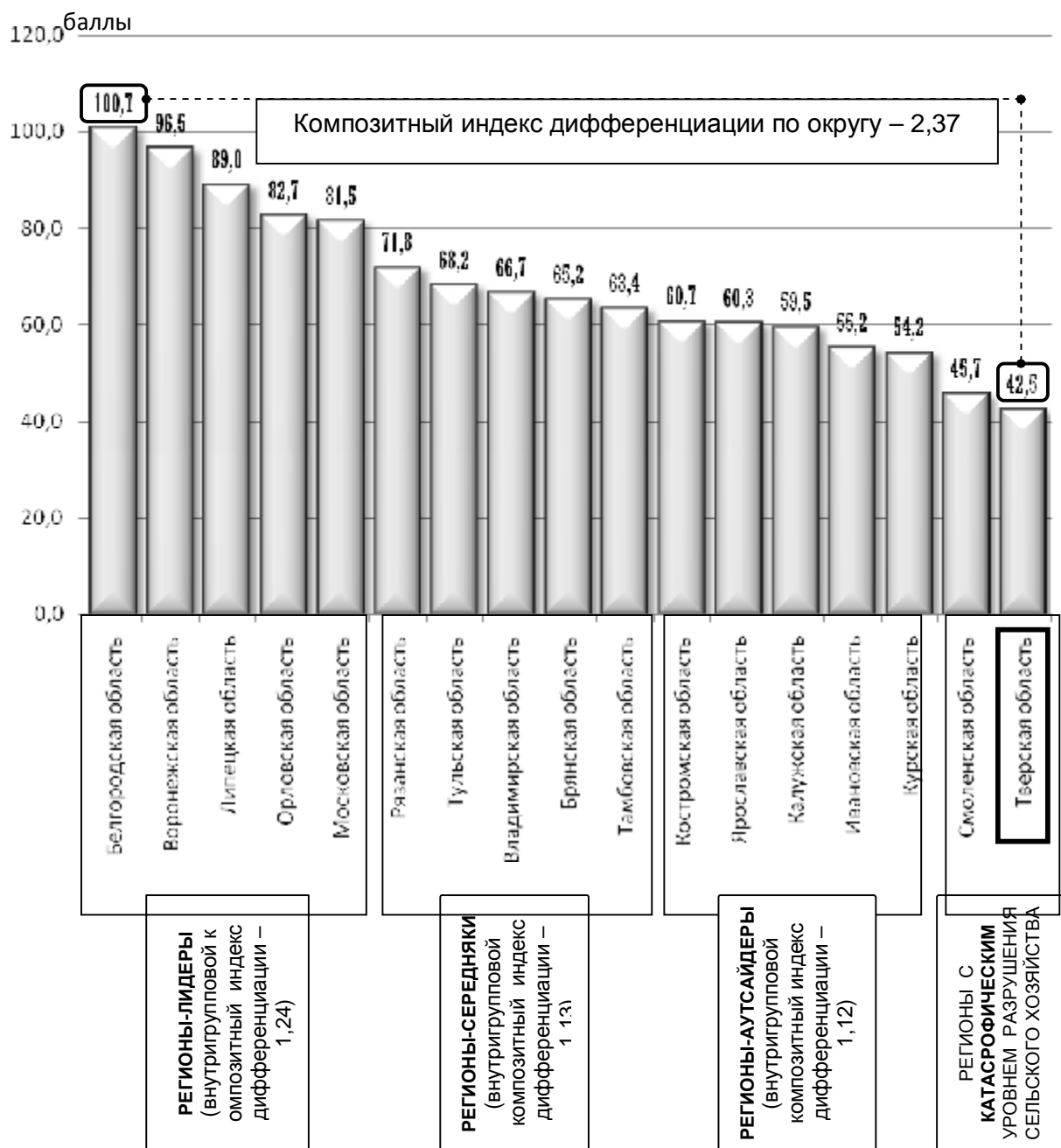

Рисунок 9 – Дифференциация регионов ЦФО по потенциалу устойчивого развития сельского хозяйства

Трансформационный процесс (неотделимый от кардинальной перестройки системы хозяйствования при переходе на путь устойчивого развития) в аграрном секторе этих областей объективно должен пройти с минимальными рисками.

Регионы-середняки (Рязанская, Тульская, Владимирская, Брянская и Тамбовская области) имеют определенный задел для обеспечения сравнительно безболезненного перехода сельского хозяйства на путь устойчивого развития, однако адекватный требованиям времени модернизационный этап развития аграрного сектора экономики в этих регионах может быть осложнен наличием широкого спектра проблем социально характера. Это же, но в существенно большем объеме проявится при «входе» в устойчивую зону развития сельского хозяйства для регионов-аутсайдеров.

Практическое разрушение «фундамента» для перехода на путь устойчивого развития сельского хозяйства в Смоленской и Тверской области способно уже в среднесрочной перспективе привести эти регионы в состояние полной продовольственной зависимости по большинству стратегических продуктов питания, что по определению не допустимо. Развернуть тренд разрушения аграрного сектора экономики и предотвратить дальнейшую деградацию сельского социума в Смоленской и Тверской областях можно только на основе оперативной разработки региональных стратегий *восстановления* сельского хозяйства. Это возможно при доведении до соответствующих исполнительных органов аргументированной информации о его ключевой роли в решении широкого спектра проблем социально-экономического развития региона в частности и страны в целом.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Стратегия устойчивого развития сельскохозяйственного производства региона»), проект № 11-12-69003 а/Ц.

Список литературы

1. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.) // Наука и жизнь. – 1996. – № 1. – С. 70–78.
2. Глазьев С.Ю. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/GlazyevSUr.htm> – Загл. с экрана.
3. Бондаренко Л.В. Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. – М.: ВНИИЭСХ, 2003. – 509 с.
4. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств [Электронный ресурс]: стат. бюллетень. 2007–2010. – М., Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc_1140096812812– Загл. с экрана.
5. Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. – М., Росстат. – 525 с.
6. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию (Ежегодный доклад по результатам мониторинга) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mcх.ru/documents/document/show/11373.133.htm> – Загл. с экрана.
7. Первые результаты международной программы PISA-2009. Материалы для обсуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.centeroko.ru/pisa09/pisa09_pub.htm – Загл. с экрана.